

Белла Верникова

Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому

«Наивные» смотрящие отличаются от историка искусства тем, что тот осознает ситуацию.

Эрвин Панофски

Последнюю розу Кастилии лета покинул блум печальный блуминокий облумок... Блум сплетал, расплетал, связывал, развязывал.

Джеймс Джойс

В начале 21-го века приобретает широкое распространение изучение городских и региональных сверттекстов русской литературы. Как отмечает российский исследователь Елена Галимова в статье о региональном северном тексте русской литературы, определение феномена сверттекста, предложенное в книге новосибирского ученого Нины Меднис, восходит к концепции В.Н. Топорова, работы которого наряду с исследованиями Ю.М. Лотмана и других ученых тартуско-московской семиотической школы положили начало изучению локальных литературных текстов. Понятие «Петербургский текст» было введено в научный оборот в 1984 г., когда в сборнике «Труды по знаковым системам» Тартуского университета были опубликованы статьи В.Н. Топорова «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» и Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города». Е.Ш. Галимова подчеркивает, что существующие методы исследования сверттекстов адекватны, прежде всего, для изучения городских текстов: «петербургского», «московского», «римского», «венцианского», «пермского» и др. Эти методы

опираются на представления о городе как феномене культуры. По приведенному там же определению Натальи Шмидт: «город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город-идея преобразовывает, преображает среду обитания специфическими средствами (архитектура, планировка и др. функционально-эстетические способы градостроительства). ...город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символически-мифологических представлений».

Понятие городского текста исключительно продуктивно для исследования одесской литературы, составляющей основу мифологии города. Одесская литература создавалась, печаталась и изучалась в тесном переплетении с городскими реалиями, такими, как история Одессы и краеведение, природные условия местности, архитектура и топонимика города, его народонаселение, ментальность, одесский язык и др. Комплекс этих понятий сконцентрирован в моем стихотворении начала 1980-х гг.:

Как человека, мы способны
любить свой город или не любить.
Чему дано в одно соединить
людей живущих и когда-то живших,
архитектуру, говор, склад ума,
вечерний запах моря на остывших
от зноя улицах, где мы живем,
как на ветру, во времени своем.

Одним из ранних одесских текстов, вызвавшим похвальную рецензию в петербургском (тогда столичном) журнале «Отечественные записки», был изданный в Одессе в 1849 г. сборник «Литературные вечера», где опубликована повесть Осипа Рабиновича «История торгового дома Фирлич и К°». Подробно рецензируя сборник, критик «Отечественных записок» отметил в нем отсутствие провинциальности и обозначил принадлежность составивших его произведений к городскому тексту: «общество одесское

хотя и имеет свой местный колорит, живет, однако ж, удовлетворяя тем же потребностям образованной жизни, как и петербургское... Более всего порадует вас то, что «Литературные вечера» так ярко отражают местную жизнь и вполне принадлежат Одессе, изображая ее нравы, обычаи, общество, жизнь этого общества и оригинальный состав его. ...мы познакомились с любопытными явлениями одесской жизни и одесского народонаселения». Как показано в моей статье 2008 г., в этой рецензии были «определены существенные особенности ранней прозы Осипа Рабиновича: повесть взята из коммерческого быта и представляет ту смесь народонаселения, которая характеризует Одессу». Экзотику в прозе О.А. Рабиновича составляла для русского читателя специфика Одессы как международного торгового порта, одного из немногих российских городов, принявшего европейские буржуазные стандарты в различных сферах жизни; писатель «дал в своей первой повести и еще в большей степени в «Морице Сефарди» срез российской жизни, уникальный для ее необъятных просторов. Одесса первой половины 19 в. была буржуазным городом, основательно впитавшим новые порядки и строившим благополучие горожан на международной торговле».

О коммерческой составляющей одесской жизни, после революции уходящей в историю, упоминает в романе «Наследник» Лев Славин. Переехав в Москву, где в советские годы только и можно было стать известным писателем, он сохранил привязанность к родному городу. Самый яркий образ одессита в военные и послевоенные десятилетия связан с Аркадием Дзюбиным, героем Марка Бернеса в фильме «Два бойца», поставленном Л. Луковым в 1943 г. по сценарию Льва Славина. В этом фильме впервые прозвучали спетые Марком Бернесом «с характерным одесским акцентом», как сказано в Википедии, песни «Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали» (музыка Н. Богословского на слова В. Агатова).

Роман Л.И. Славина «Наследник» был опубликован в 1931 г., когда советская идеологическая машина еще не подмяла писателей, воплощавших в художественной прозе свой эмпирический и духовный опыт и пытавшихся разобраться, что произошло с ними и со страной. Как пишет в публикации 2011 г., посвященной

одесской литературе, Вадим Ярмолинец: «В статье «Юго-Запад» Шкловский решительно отверг попытку автора романа «Наследник» одессита Льва Славина объяснить генеалогию своего героя Сергея Иванова. Шкловский счел эту попытку искусственной. Между тем она может иметь основополагающее значение для понимания генеалогии одесской литературы... один дед – граф Шабельский, второй – торговец зерном Абрамсон».

При фиксации генеалогии одесского текста, восходящей к прозе Осипа Рабиновича, здесь указана социальная и национальная специфика одесской литературы, отмеченная в приведенном отзыве «Отечественных записок». Характеризуя произведения одесских писателей второй половины 19-го – начала 20-го века, невозможно обойти специфику межнационального общения в одесском тексте русской литературы, определившую его содержание.

Сегодня на российском сайте для муниципальных служащих, имеющем прямое отношение к феномену города, выставлена обширная подборка литературных произведений, посвященных известным городам мира, где среди текстов о Петербурге, Киеве, Париже, Лондоне и пр. помещен очерк Исаака Бабеля «Одесса». Впервые под заголовком «Мои листки. Одесса» он был напечатан в 1917 г. в петроградском «Журнале журналов» (№ 51) за подписью Баб-Эль. Парафраз этого текста «Мопассанов я вам гарантирую» известен нам из повести Константина Георгиевича Паустовского «Время больших ожиданий», где автор стремился воссоздать облик И. Бабеля, репрессированного писателя, чьи произведения были тогда под запретом, вкладывая ему в уста тексты из недоступных читателю книг:

«Разговор о Киплинге Бабель закончил неожиданными словами. Он произнес их, сняв очки, и от этого лицо его сразу сделалось беспомощным и добродушным.

– У нас в Одессе, – сказал он, насмешливо поблескивая глазами, – не будет своих Киплингов. Мы мирные жизнелюбы. Но зато у нас будут свои Мопассаны. Потому что у нас много моря, солнца, красивых женщин и много пищи для размышлений. Мопассанов я вам гарантирую».

Об еврейском контексте высказывания Бабеля Паустовский не упомянул. А если бы упомянул, это не могло быть напечатано

в силу запрета на еврейскую тематику, возникшего в тридцатые годы, когда почти все культурное наследие русских евреев считалось «буржуазно-националистическим», и усилившегося в послевоенной советской литературе после убийства Михоэлса, Перца Маркиша и других деятелей Еврейского антифашистского комитета в ходе антисемитской кампании против космополитов. Между тем очерк «Мои листки. Одесса» свидетельствует, что И.Э. Бабель в досоветской прозе связывал одесскую ментальность, способную внести «плодотворное влияние русского юга» в отечественную литературу, как с южным характером города, так и с его еврейским населением:

«Одесса очень скверный город. Это всем известно. Вместо «большая разница» там говорят – «две большие разницы» и еще: «тудаю и сюдаю». Мне же кажется, что можно много сказать хорошего об этом значительном и очаровательнейшем городе в Российской империи. Подумайте – город, в котором легко жить, в котором ясно жить. Половину населения его составляют евреи, а евреи – это народ, который несколько очень простых вещей очень хорошо затвердил. Они женятся для того, чтобы не быть одинокими, любят для того, чтобы жить в веках, копят деньги для того, чтобы иметь дома и дарить женам каракулевые жакеты, чадолюбивы потому, что это же очень хорошо и нужно – любить своих детей. Бедных евреев из Одессы очень пугают губернаторы и циркуляры, но сбить их с позиции нелегко, очень уж стародавняя позиция. Их и не собьют и многому от них научатся. В значительной степени их усилиями создавалась та атмосфера легкости и ясности, которая окружает Одессу. ...думается мне, что должно прийти, и скоро, плодотворное, животворящее влияние русского юга, русской Одессы, может быть (qui sait?), единственного в России города, где может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан... Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем».

Влияние Мопассана к тому времени получило в русской литературе реальное выражение посредством широко известного в России 1910-х гг. одесского писателя Семена Юшкевича. О чем я пишу в статье, излагающей историю публикации романа

С. Юшкевича «Леон Дрей» в Москве отдельным изданием (1911) и в литературном сборнике «Земля» (1913):

«Жорж Дюруа, герой романа Ги де Мопассана «Милый друг» – явный литературный предшественник Леона, на что Юшкевич указывает намеренным сходством фамилий Дюруа-Дрей, подчеркивая интернациональную натуру своего персонажа. Что было замечено критикой, так в некрологе С. Юшкевича в газете «Правда» критик А. Лежнев упоминает характерную фигуру «милого друга», «красавца» и «самодовольного пошляка Леона Дрея».

В воспоминаниях Вадима Паустовского о времени знакомства его отца с И. Бабелем в Одессе Семен Юшкевич также присутствует. Бабель и Паустовский летом 1921 г. жили с семьями на даче на Большом Фонтане, где разработали устав клуба одесских литераторов, казначеем и почетным председателем «которого почему-то выдвигался Семен Юшкевич, уже успевший эмигрировать», а девиз предлагался такой: «Литераторы, назад к литературе!».

В Одессе о Семене Юшкевиче помнили понаслышке и в предвоенное десятилетие, о чем пишет в уцелевших воспоминаниях репрессированный писатель, драматург и кинодеятель Александр Вознесенский (1880-1939), подчеркивая дореволюционный коммерческий характер города, характеризуя одесскую ментальность и своеобразную личность С. Юшкевича, обстоятельства семейной жизни и его живой интерес к людям с литературным талантом:

«Недавно в книге одного из советских писателей я прочитал о том, что Семен Юшкевич был глуп. Автора этого отзыва следует винить не по существу, а разве только за излишнюю резкость выражения, т. к. будучи урожденным одесситом, автор с детства, вероятно, воспринял такое суждение от старших об Юшкевиче и, не имея возможности проверить, сохранил его в неприкосновенности до сих пор.

Одесса была городом сугубо торговым, кишевшим коммерцией и биржей (курсив мой. – **Б. В.**). Не склонные к философскому умозрению жители любили все практически упрощать. Обладая необычайно развитой жизненной сметкой, одессит привык считать себя исключительным разумником. Живший среди этаких умниц Семен Юшкевич ни на кого из них не был похож. Некогда

этот еврейский юноша, определенный родными в аптекарские ученики, «вдруг» уехал в Париж учиться. Потом вернулся, чтобы сделаться... «русским писателем». Все это было странно, непривычно, непонятно: не по-одесски. Разбираться в деталях было некогда. Гораздо легче решить: нелепый человек. Одесская скороговорка еще более упростила вывод: он глуп.

Познакомился я с Семеном Соломоновичем Юшкевичем в 1903 году в редакции «Одесских новостей». В этой газете напечатана была статья моя «Когда нечего есть». Сама тема ее, естественно, привлекала внимание читателей, среди которых немало было голодной молодежи. В редакции ко мне подошел рослый светловолосый человек и, осведомившись, я ли автор статьи, крепко сжал мою руку и назвал себя: Юшкевич. Он сказал:

– Экстерны только и толкуют, что о вашей теме. Но меня не она интересует. Мне понравилось у вас, что «дома недоверчиво сторожили серую ленту улиц», что когда вы были голодны, все люди казались вам «высокими по росту, потому что нельзя было до них достать» и т. п. Вы беллетрист, а не публицист. Пишите рассказы.

Мы разговорились. Вскоре стали добрыми друзьями. Жена моя актриса В.Л. Юренева создала ряд ярких образов в пьесах Юшкевича, и это еще более углубило нашу связь и сблизило наши семьи. Настасья Соломоновна, вторая жена Юшкевича, была настоящая «подруга писателя». Она жила исключительно литературными интересами мужа и всеми силами старалась создать для него подходящую творческую обстановку в шумной и суетливой Одессе. Денег было немного, но Настасье Соломоновне помогал «устраивать мужа» ее неизменно чудесный характер. Я не помню ее без доброй улыбки».

Используя формулу балканского слависта – в статье о петербургском тексте Б. Пильняка Нирман Мориньяк-Бамбурач называет Бориса Пильняка одним из «носителей петербургского сознания», можно сказать, что Семен Юшкевич был одним из носителей одесского сознания. Абрам Лежнев писал в некрологе С.С. Юшкевича: «Он ввел в литературу задолго до Бабеля своеобразный жаргон Одессы (критика упрекала его в порче русского языка)».

В диссертации Людмилы Воробьевой о лондонском тексте русской литературы первой трети 20-го в., защищенной в Томском университете в 2009 г., намечена проблематика изучения городского текста: «Впервые город стал предметом филологического анализа в работах Н.П. Анциферова. Особое внимание исследователь уделяет образу Петербурга, изучая воздействие города на судьбы людей, писателей и художников. ...В.Н.Топоров, исследуя петербургский текст русской культуры, рассматривает его генезис и структуру, описывает сферу смыслов, выявляет специфику языка Петербурга».

Генезис одесского текста русской литературы можно проследить в журналах, альманахах и сборниках, представляющих писателей, живших в Одессе и писавших об Одессе со времени основания города до наших дней. Альманахи «Дерибасовская – Ришельевская» (в 2003 г. здесь опубликовано эссе «Разговор с автоответчиком», «популярно развивающее некоторые тезисы моей научной работы») и «Мория» (где я автор и член редколлегии) сами по себе составляют городской одесский текст, что выражено в подзаголовках, программах и рубриках каждого из изданий, см. напр.:

– сайт Всемирного клуба одесситов: «Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Вот уже 13 лет мы стремимся рассказывать о знаменитых земляках, о ярких событиях в истории Южной Пальмиры, о наших самобытных культуре и искусстве, знакомим читателей с литературными произведениями наших современников и их предшественников. За эти годы альманах стал своим для многих одесситов – и ныне живущих в родном городе, и тех, кто находится далеко от него»;

– мое радиointerview 2010 г.: «Альманахи научных статей и публицистики «Мория» восстанавливают прерванную традицию гуманитарных исследований в сфере еврейской литературы, истории, культуры, с тем чтобы сохранить и передать следующим поколениям драгоценные познания, которые аккумулировали наши великие мыслители и историки, пророки и философы, деятели науки и культуры. ...Заявленная программа успешно осуществляется на страницах альманаха в его постоянных руб-

риках – актуальные размышления, пространство Одессы, статьи и публикации, воспоминания, галерея, литературные беседы, обозреватель и т. д., среди авторов этих рубрик – историки, краеведы, журналисты, писатели, живущие в Одессе и в других городах и странах».

Одесские реалии присутствуют во многих городских изданиях – назову журнал «Пассаж» и вышедший в 90-е годы, до недавнего времени открытый в сети журнал «Одесса», рубрики которого возвращали читателю старую топонимику города. Дореволюционные названия одесских улиц, переименованных в советскую эпоху, исторически воплощали «ту смесь народонаселения, которая характеризует Одессу». Что передано в моем стихотворении середины 1970-х гг., привожу его первую строфу:

Старые названья старых улиц
помню я, как выраженья лиц
бабушки и деда.
На заросшем кладбище приткнулись
их могилы.
Затяжное лето,
как горчичник, выгревает стены
на Канатной, Малой Арнаутской,
Греческой, Еврейской, Ришельевской,
на Преображенской, Тираспольской,
на Гаванной, в Городском саду.

О том, что городская топонимика поддерживает в человеке историческую память и чувство родства, писал в газете «Всемирные одесские новости» (1998) в связи с моим стихотворением «Старые названья старых улиц» известный одесский краевед, писатель и журналист Олег Губарь:

«В заголовке – строка давнего стихотворения Беллы Верниковой, написанного в те времена, когда о возвращении этих названий никто всерьез не помышлял. Была какая-то «опосредованная ностальгия». И только (?). Но было также название ее первого поэтического сборника «Прямое родство».

Старые названья старых улиц
помню я, как выраженья лиц
бабушки и деда...

Мои историческая память и «прямое родство» начинались на Успенской улице...».

Поэтический феномен одесского текста представлен изданным в 2009 г. в Москве сборником «Одесса в русской поэзии: поэтическая антология» (с биографическими справками авторов), собравшим «стихи русских поэтов, писавших об Одессе в XIX и XX столетиях». Одесса предстает в аннотации сборника как «город-памятник, город-история, город-мечта», как источник поэзии и ее воплощение: «Стихотворения, вошедшие в антологию, напоены духом Одессы, ее атмосферой, «одесским образом мыслей». Сквозь поэтические строки, написанные разными авторами в разное время, перед читателем встает история великого города и его жителей». В разделе сборника «Вторая половина XX века» напечатаны стихи одесских поэтов (в том числе мое стихотворение «Старые названья старых улиц»), живущих сегодня в разных странах. Их творчество являет собой значительный одесский текст и в сборниках «Вольный город» (Одесса, 1991), «Глаголы настоящего времени» (Киев, 2013) – составитель и автор предисловия обоих изданий одесский поэт и прозаик Юрий Николаевич Михайлик. Как пишет Евгения Красноярова в рецензии на книгу «Глаголы настоящего времени» в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская»: «Прочитав стихи авторов, хочется узнать о них самих. Тем более, они все прочнее входят в историю нашего города, в его легенду».

Эти же авторы упоминаются в моем радиointerview «Одесская литературная группа «Модест Павлович»: фактор города», опубликованном в журнале «Литературный Иерусалим» (2010, № 1) и в 11-м номере альманаха «Мория» – с фотопортретами писателей, ее составляющих. Хотя на нашей памяти одесский язык приблизился к нормативному русскому: «Но все реже услышишь от раза к разу / Здесь одесскую фразу», – написавший эти строки Анатолий Гланц в стихотворении «Одесса» середины 1980-х гг. фиксирует сохранившиеся образцы одесской ментальности:

Тут пасхальное солнышко над евреем,
ветхий дом, где мы нежимся и стареем.
Это мусор дворов, городская свалка
и Холодная Балка.

Пара нищих старух, чистый профиль женский
возле входа в собор по Преображенской,
в майонезном небе ажур балконов
и заправка сифонов.

Это то пространство, которым с детства
терпеливо бредит во мне Одесса.
Это то, на чем выросли мы и отъелись.
Это южная ересь.

Материальным воплощением одесского текста, его артефактом является Одесский литературный музей, расположенный в здании дворца кн. Гагарина.

В залах литмузея воссоздана диахрония одесского текста русской литературы, каждый из феноменов которого требует дальнейших исследований. Здание музея мемориальное, имеет свою литературную историю. В первые годы 20-го века, до 1904 г., в реставрированной в литмузее Виноградной комнате этого дворца собиралось одесское литературно-художественное общество ЛАО, именуемое «литературка».

Один из инициаторов создания ЛАО, художник и литератор Петр Александрович Нилус был центральной фигурой в литературно-художественной жизни Одессы 1890-х гг. – начала 20-го века. Организатор и идеолог «Товарищества южнорусских художников» (сформировано в 1890 г.), член правления ЛАО, автор статей о литературно-художественной жизни города в одесских изданиях, П.А. Нилус активно участвовал в неформальных собраниях творческой интеллигенции Одессы – в «четвергах», проходивших в доме одесского художника Евгения Иосифовича Буковецкого, где в начале 20-го века жил Иван Алексеевич Бунин. В том же доме находилась мастерская П. Нилуса – он стал прототипом художника в рассказе И. Бунина «Сны Чанга». В 1907-

1908 гг. на «четвергах» у Буковецкого бывал Семен Соломонович Юшкевич, получивший к тому времени широкую известность как драматург и прозаик. Впоследствии, в эмиграции, Петр Нилус становится биографом С. Юшкевича.

Продолжение следует
Иерусалим

